

Москва, мейсис

1984. 3/5

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Г. Москва

№ 3 ОКТ 1987

ХУДОЖНИК, КРИТИК, ЗРИТЕЛЬ:

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Е. Сурков

НАЧАЛА

Москва вступила в новый театральный сезон. Прошедший сезон радости принес немного. Первой об этом строго и четко сказала в «Московском правде» Н. Балазова. Ее статья «Дискуссионный премьер» («Московская правда» от 7 июля с.г.) во многом верно отразила ситуацию. И прежде всего то, что так неожиданно оказалось ее от той, что была в 1985—1986 годах.

Тогда был подъем. Для всех очевидный взлет почти на всех московских сценах. Москвичи еще читывались в газеты, где были публикации материалы апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, а театры уже выдохнули навстречу только что начавшейся перестройке: «Серебряный свадьбу», «Диктатору совет», «Говори...», «Статье», «Питатель».

А ведь затеянное в театрах не было ни то, что у прозаиков, как стало ясно немного позже, томивших в столах рукописи многостранных романов, которым не видеть бы света, если бы не апрель восемнадцатого. Но и театры ждали предвещиваемые перемены! И они тоже, как это стало ясно весной 85-го, не один год жили мыслью, что кораблю не миновать ложиться на новый курс. Она-то, эта мысль, и сработала в театрах столицы. В лучших спектаклях того года сказало слово то самое слово — правда, которое уже появилось в тогдашней прессе.

...Это потом стало все ясно и с «Серебряной свадьбы», и с «Диктатору совет». А поначалу все было совсем непростой. Сработала инерция, подымался на дыбы консерватизм. Хорошо помню атмосферу, в какой происходило рождение спектаклей, потом ставших знаменем послеперестройских сцен. Она не была ни благостной, ни покойной. Все мы, писавшие об этих спектаклях, кто называется, по горло в слезу или усталости в заседаниях приемных комиссий, ни в чем ведь не были уверены. Да, мы твердо знали, что нужно, необходимо нашей сцене, что могло изменить чаяния, которые апрельский Пленум окликал в обществе. Но сколько раз в прошлом такая драматургия, режиссеры, актеры, критики не сбывались.

На этот раз сбывались! Прекрасный то был год. Трудный. Требова-тельный к каждому, но такой интересный.

1.

СНАЧАЛА О ДИСКУССИЯХ

Но если таким было начало, то почему же не таким оказалось продолжение? Во многом случае то, что непосредственно последовало за вылетом и открытием 1985—1986 годов.

Вопрос совсем непростой. Сегодня его задают не только критики и зрители, но и, уверен, сами театры. Для них в неравной, обычной конъюнктуре последнего сезона тоже, уверен, много было неожиданного. Не к такому

развитию они готовились. Тем более важно сейчас, когда театры уже вернулись в столицу, честно задуматься над тем, что произошло с пьесой и флагиантом театральной перестройки.

Сработало какое-то торможение? Потонуло назад и старому? Ничуть не бывало. Нинами приписав реальный или сомнений общего значения в столичной театральной среде не заметит, уверяю, даже самый предвзятый наблюдатель.

Наоборот, я в 1986—1987 гг. на московской сцене появились спектакли, которые пошли и дальше, и глубже в жизнь, и те противоречивые и трудные процессы, которые раньше полагалось не замечать. Согласен, таких спектаклей было немного. Но они были! И это тоже факт, который необходимо четко осознавать.

Но было и другое: топтание на месте одной театров («Ленинское комсомоло, имени А. С. Пушкина, ЦАТСа, имени Н. В. Гоголя»), явный творческий пульс в других (МХАТ, театры им. Евг. Вахтангова, К. С. Станиславского, Новый театр). А в итоге — ощущение разочарования, если хотите — несбывшихся надежд.

Только могли ли они сбываться так скоро? В этот вопрос тоже надо бы задуматься. Скорее нет. Непредвзят. Потому что если тот самый призыв «Говори...», который шел из глубины жизни и тогда же страстно, по-юношески призывно отозвался со сцены Театра им. М. Н. Ермоловой в спектакле В. Фокина и А. Буравского, позже перерос в «дискуссию вместо премьер», то надо обязательно поставить вопрос и по-другому: а могли ли быть иначе?

Внутритеатральных проблем за последние десятилетия скопилось ведь множество. И ни одна из них не решалась. Годами загонялась ягуба. А если какие-то и решались, то только административными методами. Пользы такие решения приносили мало, редко.

И вот наконец театрам сказали: вам жить, вам дальше давать сценическое искусство, вам и решать, что надо сделать для того, чтобы дела у вас пошли лучше.

Могли ли театры не воспользоваться такой возможностью? Могли ли они не начать перестройку в своих собственных рядах? Остатки дискуссии закипели сразу же и во многих коллективах. Во МХАТе и у хвастачков, на Малой Бронной и в Театре им. Н. В. Гоголя, а в МХАТе и в Театре им. А. С. Пушкина. Но все эти дискуссии, кроме той, что возвала публичности театр, легко было выключить заранее. Театры и критики осознали их необходимость загодя: в горечи многолетних трудностей и неудач, от которых все, что с этими театрами было как-то связано, давно было превосходно осведомлены.

ОЦЕНКИ, ВПЕЧАТЛЕНИЯ, ОБЗОРЫ

ИЗЛОЖЕНИЯ

Да и во всех ли случаях надо радоваться тому, что в таком-то или в таком-то театре, слава богу, «обошлось без дискуссии»? Дискуссия не всегда ведь должна иметь целью свержение главного режиссера. Наоборот, такие ситуации с годами, когда работа налаживается в соответствии с устремлениями и надеждами самих театров, думаю, станут все реже. Неизбежно их возобновление только там, где коллектив, который сейчас остро и ясно понял необходимость перемен на своем капитанском мостике, помешали — все теми же административными методами — существовать еще. Затянувшаяся болезнь углубит, от нее не избавишься. Откровенная творческая дискуссия и есть, по моему разумению, тот способ, который может (в том числе и в целях предотвращающих хирургических методов) вовремя избавляться от накопившихся трудных вопросов и сомнений. И разве не нуждается в таком остром обмене мнениями «Современники»? Театр им. К. С. Станиславского? Новый театр? Театр «Роман»? Неизвестно, желательны откровенные аналитические дискуссии и в Театре сатиры. Не сейчас, а позже, когда зарубятся раны, но необходимы.

Нет, спорить надо. Но обязательно так, чтобы с пути начавшейся дискуссии были приобщены общественность, критика. Споры там, куда и как идти театру, — это ведь не внутреннее дело самого театра. Есть в этих спорах еще одна заинтересованная сторона: мы, зрители. И если при решении вопроса о том, как пойти театру, эта сторона игнорируется, по ней не сверяют своих решений, неизбежно наступают искажения, демагогические отсбтвения. Разгул групповщины. Что особенно наглядно — вопиюще наглядно! — обнаружилось в прошедшем сезоне на периферии. И сожаленно, там только в редких театрах не наблюдался выбор групповых страстей. И часто, слишком часто животворный принцип демократизма использовался в личных, корыстных интересах.

Ганьные считалось: о том, что происходит внутри театры, должно знать начальство, это его prerogative. Газетам, общественности в такие вопросы вмешиваться не полагалось. Сейчас время другое, но в одном все на театральном плацдарме остается по-старому. По-старому считается, что внутренняя жизнь театра — это дело труппы, актеров. А критике, зрителям участвовать в бурях, которые приобретают за занавесом, подчас катастрофически разрушительно энергию, не позволено.

Но почему не положено? Кем не положено? Наоборот, общественность должна знать о том, почему в любимом ими театре появился новый режиссер. А в театре не пользующимся зрительскими симпатиями, наоборот, все остается без дискуссии?

В нескольких московских театрах перемены, причем решающего значения, произошли (в некоторых случаях, впрочем, так и не произошли), но что знают о них зрители, печат? Очень мало. Разве это демократично?

Внутренняя жизнь театров сразу после революции запрещенной территории для печати не была. Сошлюсь для примера хотя бы на ту дискуссию, которую вызвал в 20-е годы уход из МХАТа 2-го Динко и нескольких молодых актеров. Почему же в наши дни когда задача демократизации общественной жизни стала задачей всех задач, театр по-прежнему остается для общественности «книжкой за семью печатями»?

Известно, например, что приход Г. Яновского вызвал внутри МХАТа бурю споров. Но почему только внутри театра? Разве это дело одной только труппы? А что происходит в Театре на Таганке? Мы знаем, что Н. Губенко обещал вернуть в репертуар все старые постановки. Превосходно. Ну, а что своего, нового он собирается делать? И в какие сроки? А как намерен театр поступить со спектаклями А. Эфроса? Можем ли мы быть уверены, что наследие этого замечательного художника будет бережно сохранено? Вопрос этот тоже вовсе не является вопросом только внутритеатральной жизни.

А что мы знаем о том, что произошло внутри Театра им. А. С. Пушкина? Вот ситуация, которую из зрительского зала заранее высказать было невозможно. В самом деле, что было вольно труппы? А что происходит в Театре, который после ухода из него Бориса Ревенских долгие годы буксует, выпуска спектакли, которые никого не волновали, с приходом нового главного режиссера Бориса Морозова снова пробудил к себе интерес? В театры стали ходить? О нем стали спорить? И вдруг труппа относительным большинством голосов проголосовала за отставку главного режиссера. Почему?

Секретарь партийной организации театра актриса Т. Ликина, пытаясь доказать правомерность такого решения, в разгоре со своим перечисляла различные прегрешения Морозова. Все организационного характера. Спрашивается: а как труппа относилась к нему как к художнику? Труппа и Морозову как и режиссеру претензий не имеет. Но разве это не главное? Вопрос о том, нужен ли москвичам тот театр, который за последние три года выскочил на Тверском бульваре Морозов — это же прежде всего наш, зритель, вопрос. И как вопрос личных взаимоотношений главного режиссера с актерами М. или Б. рассматриваться не может. Ведь если москвичам театр, который строил Морозов, был интересен, то из этого труппе и надо было бы исходить. А все остальное — дело вторичное. Критикуйте режиссера за его просчеты и промахи, если его есть

за что критиковать. Но не подменяйте то, что важно нам, зрителям, тем, что важно только вам. Или, вернее, какой-то части из вас, актеров. Часто по соображениям, к искусству прямого отношения не имеющим.

Пишу об этом так подробно потому, что ситуация, сложившаяся в этом театре, имеет, так или было выше отмечено, очень много аналогов на периферии. Там за эти два года едва ли не в каждом театре низвергли главного режиссера. Нередко это было на пользу театру, а нередко только на пользу какой-то крепко сплотившейся — на время! — группе актеров.

Надо и эту сторону медали видеть. Иначе демократизация театральной жизни может перестать означать искания. Театр — ценность общественная, он обществу принадлежит. Значит, и судьбы театры должны решаться гласно. Так, чтобы и мы, зрители, понимали, почему именно тот или иной театр решил кардинально поменять вест. Думаю, что в союзках театральных деятелей все эти вопросы надо бы тщательно обсуждать. Как в театрах протест демократизация — вопрос перестроенности важности, который нуждается во всестороннем анализе и гласной оценке.

Есть ведь уже большой опыт: и отрицательный, как мы только что видели, но есть и положительный.

Таким я считаю опыт МХАТа. Перестройка там проходила очень болезненно. Но чем дальше мы отходим от тех трудных и бурных дней, тем уверен, отвлеченнее станет видна объективная необходимость того, что этой весной произошло все на том же Тверском бульваре, назвали Пушкинским театром.

Что же там произошло? Труппа разделилась на два самостоятельных коллектива. Но разве такого разделения не было уже задолго до того, как Ефремов заговорил о его необходимости? И разве то, что произошло сейчас, не записано организационно той самой расстановкой сил, которая давно уже стала для всех очевидной?

Конечно, то, что со стороны видится в таком успешном свете, изнутри основательно ничто, противоречивая буря. Можем ли мы догадываться, что в овчарном покарении таких дискуссий театре появятся новые спектакли? Вряд ли. Но вот почему явное новое не дал такой мощной и стабильной коллектив, как Театр имени Ленинского комсомола, понять уже сложное. Как можно понять и то, почему вот уже год ничто значительного, нового не возникает на афише Театра драмы и комедии на Таганке. Или в Центральном академическом театре Советской Армии?

Раньше такие вопросы высказывали и решали келейно: в уютных кабинетах разного уровня ведомств. Но и сейчас их, похоже, анализируют и оценивают (если вообще анализируют) те же келейно: на заседаниях художства, на собраниях труппы. А надо было бы исходить. А все остальное — дело вторичное. Гласно. В новом союзе прежде всего.

(Окончание следует).